

ихъ нельзя не хвалить, но только не въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ“.

Поставивъ общій вопросъ объ осужденіяхъ, какимъ подвергалась книга Радицева, авторъ приходитъ къ заключенію, что не только нельзя поддерживать ни одного изъ обвиненій указа 1790 года—осудившаго книгу на истребленіе, а автора въ сибирскую ссылку,—но нельзя признать и тѣхъ позднѣйшихъ осужденій, которыя винили Радицева въ излишнемъ свободомысліи, въ подчиненіи европейской философіи, въ незнаніи и непониманіи нуждъ Россіи. „Радицевъ, „оторванный отъ почвы“, „чуждый народному духу“ и т. д., совращенный „ложнымъ“ просвѣщеніемъ Запада, не любящій и не понимающій Россіи, написалъ-де книгу, которая, по своему содержанію, не имѣла ни малѣйшей практической цѣны для Россіи, представляетъ вредное примѣненіе плохо понятыхъ, неподходящихъ и ложныхъ началъ къ русской жизни. Такъ ли это? При ближайшей оцѣнкѣ книги Радицева оказывается, къ неудовольствію нашихъ народниковъ и охранителей, что Радицевъ зналъ Россію, любилъ ее, видѣлъ бѣдственныя стороны русскаго общественнаго строя, страдалъ объ этихъ бѣдствіяхъ, указывалъ средства ихъ излеченія и притомъ средства, вполнѣ возможные, подходившія для дѣла“.

Г. Якушкинъ убѣжденъ, что подобное, безпристрастное и историческое вѣрное понятіе о Радицевѣ имѣлъ и Пушкинъ. Къ Радицеву относятся двѣ статьи Пушкина, писанныя одна въ 1833—34, а другая—въ 1836 г.: одна осталась въ неконченномъ видѣ, другая была самимъ Пушкинымъ представляема въ цензуру, но не была дозволена. Безсвязные отрывки одной нашли мѣсто въ посмертномъ изданіи, и только впоследствии пропуски ея были пополнены Аванасьевымъ (въ „Библиогр. Запискахъ“, 1859), и сполна явилась она въ изданіи г. Ефремова, 1880 г.; другая была впервые напечатана только въ 7-мъ, дополнительномъ томѣ изданія г. Анненкова, вышедшемъ уже въ сравнительно благоприятныхъ цензурныхъ условіяхъ, въ 1857 г. Г. Якушкинъ замѣчаетъ то, по его мнѣнію „характерное“, обстоятельство, что „статьи Пушкина о Радицевѣ, столь восхваляемыя нашими „благонамѣренными“ писателями за ихъ „благонамѣренное“ направленіе, долго находились подъ цензурнымъ запретомъ: одна въ теченіе 21-года, другая, собственно говоря, 46 лѣтъ“. — Замѣтимъ, впрочемъ, что въ данномъ случаѣ дѣло объясняется просто тѣмъ, что цензура 1830-хъ и 40-хъ годовъ вообще не разрѣшила бы говорить о Радицевѣ, — одобрительно или неодобрительно, все равно.

Пересматривая, затѣмъ, новѣйшіе отзывы о статьяхъ Пушкина, авторъ находитъ, что ни въ одномъ изъ этихъ отзывовъ,—сочувственныхъ или несочувственныхъ,—содержаніе этихъ статей не нашло